

Источник: Р.Шатобриан. Ренэ. Б.Констан. Адольф. "История молодого Человека XIX века" - Серия романов под редакцией М.Горького. М.: Журнально-газетное объединение, 1932, Стр. 51-76.

OCR: В.Есаулов, 20 февраля 2003 г.

Приехав к натчесцам, Ренэ был вынужден взять себе жену, в соответствии с нравами индейцев; но он совершенно не жил с ней. Склонность к меланхолии увлекала его в глубь лесов; он проводил там целые дни в полном одиночестве и казался диким между дикими. Он отказывался от каждого сношения с людьми, за исключением Шактаса {Гармонический голос}, приемного отца, и отца Суэля, миссионера в форте Розалия {французская колония в Натчесе}. Эти два старца взяли большую власть над ним: первый своей мягкой уступчивостью, второй, наоборот, - крайней строгостью. После охоты на бобров, когда слепой сашем {старик или советник} рассказал Ренэ свои приключения, Ренэ никогда не желал говорить о своих. Между тем Шактасу и миссионеру очень хотелось узнать, какое горе привело знатного европейца к странному решению укрыться в пустыне Луизианы. Ренэ всегда объяснял свой отказ тем, что его история мало интересна и ограничивается, говорил он, историей его мыслей и чувств.

- Что касается события, заставившего меня поехать в Америку, - прибавлял он, - то я должен хранить его в вечном забвении.

Несколько лет прошло таким образом, и старцам не удалось выведать у Ренэ его тайну. Письмо, полученное им из Европы через бюро иностранных миссий, до такой степени увеличило его грусть, что он стал избегать даже старых друзей. И они еще с большей настойчивостью стали просить его открыть им свое сердце; в эти просьбы они вложили столько вдумчивости, кротости и влияния, что он принужден был наконец уступить им. Итак, он условился с ними о дне, когда расскажет им не о приключениях своей жизни, так как их у него не было, но о тайных переживаниях своей души.

21-го числа того месяца, который дикари называют луной цветов, Ренэ отправился в хижину Шактаса. Он подал руку сашему и повел его под тень сассафра, на берег реки Мешасебе {настоящее название Миссиссипи или Мешассипи}. Отец Суэль не замедлил явиться на свидание. Занималась заря; на некотором расстоянии в равнине можно было заметить деревню натчесов с тутовой рощей и хижинами, похожими на пчелиные ульи. Французская колония и форт Розалия виднелись направо, на берегу реки. Палатки, дома, наполовину выстроенные, строящиеся форты, распаханное поле, Покрытые неграми, группы белых и индейцев, выявляли на этом маленьком пространстве контраст между цивилизованными нравами и дикими нравами.

К востоку, на самом горизонте, солнце начинало показываться между разрозненными вершинами Апалака, которые лазурными буквами вырисовывались на золоченых высотах неба; на западе Мешасебе катила свои волны в величественном молчании и с непостижимым размахом замыкала края картины.

Юноша и миссионер некоторое время любовались этой прекрасной сценой, жалея сашема, который не мог больше наслаждаться ею; затем отец Суэль и Шактас уселись на траву у подножия дерева; Ренэ выбрал место посередине и после минутного молчания сказал своим старым друзьям:

- Начиная свой рассказ, я не могу сдержать в себе прилива стыда. Мир ваших сердец, почтенные старцы, и спокойствие окружающей меня природы заставляют меня краснеть от тревоги и волнения моей души.

Как вы станете жалеть меня! Какими ничтожными покажутся вам мои вечные беспокойства! Вы, исчерпавшие все жизненные печали, что вы думаете о юноше без сил и без добродетели, который в себе самом находит тревогу и может пожаловаться лишь на горе, которое он сам себе причиняет? Увы! не осуждайте его - он был слишком наказан!

Я стоил жизни моей матери, появляясь на свет: я был вырван из ее чрева железом. У меня был брат, которого благословил мой отец, видевший в нем старшего сына.

А я, с младенческих лет предоставленный чужим рукам, воспитывался вдалеке от отцовского крова.

Я был непреклонного нрава, с неровным характером. То шумливый и веселый, то молчаливый и